

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(9), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Воробьева Э. А. Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов / Э. А. Воробьева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 9. — С. 355—378. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-355-378.

Vorobyeva, E. A. (2024). Constructing and Visualizing Enemy Image in Russia During Russo-Japanese War (1904-1905). *Nauchnyi dialog*, 13 (9): 355-378. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-355-378. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов

Воробьева Эвелина Александровна
orcid.org/0000-0002-3040-0350
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и политологии
tinva@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена
при финансовой поддержке
Новосибирского государственного
технического университета,
проект № ТП-ИиП-1_24

Constructing and Visualizing Enemy Image in Russia During Russo-Japanese War (1904-1905)

Evelina A. Vorobyeva
orcid.org/0000-0002-3040-0350
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Political Science
tinva@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared
with the financial support
of Novosibirsk State Technical University,
project № TP-IiP-1_24

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике репрезентаций образа врага (Японии и японцев) средствами визуальной пропаганды в Российской империи в годы Русско-японской войны и базируется на широком круге визуальных источников. Выявляются контексты формирования образа врага, их ключевые составляющие. На основе анализа средств массовой информации периода Русско-японской войны, а также визуальных источников (плакаты, открытки, литографии, рисунки, карикатуры) выявляются особенности репрезентации образа врага, ее направленность, целевая аудитория. Проводится сравнение российских и японских образцов визуальной пропаганды, устанавливаются причины их различия. Анализируется эффективность российской визуальной пропаганды, основные последствия ее использования. Автор приходит к выводу, что визуальная пропаганда периода Русско-японской войны в целом повторяла образы и смыслы, сформированные в общественном сознании и государственной идеологии еще до войны (восприятие японцев как «дикарей», «варваров», «азиатов», «макак»; парадигма «желтой опасности»; убежденность, что Япония действует по указке враждебных России держав). Делается вывод о том, визуальная пропаганда, предназначенная для «простого народа» и акцентирующая внимание на полной ничтожности противника, оказалась настолько далека от действительности, что примерно через 9—10 месяцев войны привела к прямо противоположному эффекту (замещение образа врага с японцев на русский самодержавный строй и его представителей).

Ключевые слова:

Русско-японская война; пропаганда; образ врага-японца; плакаты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the representations of the enemy image (Japan and the Japanese) through visual propaganda in the Russian Empire during the Russo-Japanese War. Drawing on a wide array of visual sources, it identifies the contexts in which the enemy image was constructed and its key components. The analysis includes mass media from the period as well as visual materials such as posters, postcards, lithographs, drawings, and caricatures, revealing distinct features of enemy representation, its intended direction, and target audience. A comparative study of Russian and Japanese visual propaganda is conducted to uncover the reasons for their differences. The effectiveness of Russian visual propaganda is analyzed along with its primary consequences. The author concludes that the visual propaganda of the Russo-Japanese War largely reiterated images and meanings that had been ingrained in public consciousness and state ideology prior to the conflict — portraying the Japanese as “savages,” “barbarians,” “Asians,” and “monkeys,” alongside the “Yellow Peril” paradigm and the belief that Japan acted under the influence of hostile powers against Russia. Ultimately, it is argued that this propaganda, aimed at the “common people” and emphasizing the utter insignificance of the enemy, became so detached from reality that, after approximately 9-10 months of war, it resulted in a counterproductive effect—shifting the enemy image from the Japanese to the Russian autocratic regime and its representatives.

Key words:

Russo-Japanese War; propaganda; enemy image; Japanese; posters.

Конструирование и визуализация образа врага в России в период Русско-японской войны 1904—1905 годов

© Воробьева Э. А., 2024

1. Введение = Introduction

Русско-японская война 1904—1905 годов — это значимое и не до конца оцененное исследователями событие российской истории. Во многом она представляла собой «репетицию» другой грозной войны — Первой мировой. К сожалению, правящая элита Российской империи так и не смогла сделать из Русско-Японской войны должных выводов. Это подтверждает, в частности, и предлагаемое исследование, посвященное проблемам российской пропаганды, во многом неудачно представлявшей образы врага. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки исторического опыта российского государства в сфере формирования общественного мнения для выявления промахов и неудач, становившихся важной причиной безуспешности России в ее внешней политике. В годы Русско-японской войны впервые была предпринята широкомасштабная попытка формирования общественного мнения в нужном для правящих кругов ключе, а именно восприятия войны как «справедливой», «победоносной», «героической», «правильной», «отвечающей интересам России». Несмотря на то, что визуальный аспект военной пропаганды буквально «лежит на поверхности», он все еще недостаточно изучен исследователями.

Формированию образа Японии и японцев в России до и в годы Русско-японской войны, а также образа России в общественном мнении японцев посвящены значимые работы российских историков Е. С. Сеньявской, В. Э. Молодякова, Л. В. Жуковой, В. И. Дятлова [Сеньявская, 2006; Молодяков, 2002; Молодяков, 2004; Молодяков, 2008; Жукова, 2002; Дятлов, 2014], монография автора предлагаемой статьи [Воробьева, 2020], а также работы японских исследователей: Нахо Игауэ, Мацумура Масаеси, Цугуо Тогава, Наоко Шимацу [Игауэ, 2004; Масаеси, 2002; Тогава, 1993; Шимацу, 2005]. Однако всеми перечисленными историками визуальные источники, отражающие пропаганду военных лет, специально не изучались. Попытка

оценить взаимные русско-японские образы с опорой именно на визуальные материалы была предпринята Ю. Д. Михайловой [Михайлова, 2014]. Среди зарубежных исследований можно отметить коллективную работу «Much Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery» [Dobson et al., 2005], в которой рассматривается образ Русско-японской войны в западных и японских изданиях, в том числе анализируются те образы, которые японские издания транслировали отдельно на японскую аудиторию и на аудиторию западную. Символическое значение конфликта анализируется также в коллективной работе «The Impact of the Russo-Japanese War» [The Impact..., 2009]. Но в работах зарубежных коллег мало внимания уделено русской визуальной пропаганде. Таким образом, проблема формирования «образа врага» нуждается в более пристальном внимании и комплексном подходе к изучению. До сих пор не установлены причины выбора тех или иных репрезентаций образа врага в русской пропаганде, не предпринималось попыток оценки эффективности ее воздействия на реципиента, не выявлено, какое влияние оказали визуальные репрезентации образа врага на формирование и изменение общественного сознания в годы Русско-японской войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является установление особенностей репрезентаций образа врага в русской визуальной пропаганде периода Русско-Японской войны. Задачи состоят в том, чтобы определить контексты визуальной пропаганды русско-японской войны, связанные с государственной политикой Российской Империи и общественными настроениями в российском обществе; выявить типичные пропагандистские приемы и черты образа врага в русской визуальной пропаганде (в том числе в сравнении с образом врага в японской визуальной пропаганде), представленной различными видами источников — плакатами, открытками и литографиями, а также соотнести эти особенности с ключевыми смыслами пропаганды, отраженными в письменных источниках, прежде всего в газетной периодике; оценить эффективность воздействия данных репрезентаций образа врага на российское общество; проследить изменения, происходившие в пропагандистских репрезентациях образа врага в России на протяжении всей войны, выявить, чем они вызваны.

Исследование специфики образов врага, представленных в российской визуальной пропаганде Русско-японской войны, осуществлялось нами в опоре на теорию репрезентаций, имеющую длительную историю развития в лоне западной гуманитарной мысли, начиная с Платоновского мира вещей как воплощения (отражения) мира идей. В современности

все больше внимания уделяется познанию не самого мира как такового, а различных форм представления (отражения) знаний о мире. Отношение человека к миру обусловлено культурно-исторически, зависимо от принятых в культуре ценностей, канонов и образцов, воспроизводимых репрезентациями, которые вовсе не стремятся к адекватности и объективности отражения действительности [Микешина, 2007, с. 14]. Взгляд на визуальную пропаганду с точки зрения теории репрезентаций позволяет выявить основные элементы ее языка, объяснить их происхождение, а также показать разрывы, существовавшие между отношением к событиям общества, жившего этой пропагандой, мыслившего ее образами, разделявшего ее смыслы, и социальной действительностью, развитие которой не отвечало общественным ожиданиям, что усугубляло социально-политическую напряженность. В рамках исследования использовались также историко-генетический и историко-сравнительный методы.

Источниками для исследования послужили разнообразные визуальные материалы: «народные картины» (плакаты в лубочном стиле) и близкие к ним открытки, карикатуры, литографии, рисунки. Первые печатались в ряде типографий (в основном Москвы и Санкт-Петербурга) и в качестве целевой аудитории предусматривали «простой народ». Примечательно, что «народные картины» представляли собой в том числе коммерческий продукт (не просто раздавались, а продавались, хотя и дешево; тем не менее плакаты должны были, по мысли создателей, заинтересовать потребителей, отвечать их чаяниям). Работа над плакатами и открытками велась по заказу, авторов изображений и текстов при публикации обычно не указывали. Карикатуры публиковались исключительно в средствах массовой информации, газетах и журналах и предназначались для более широкой аудитории. Литографии и рисунки могли печатать и распространять как самостоятельные произведения, но чаще они встречаются в СМИ или специализированных изданиях [Иллюстрированная летопись..., 1904—1905]. В настоящее время изображения доступны как в электронном виде [Плакаты русско-японской войны...], так и в составе сборников и коллекций (в том числе японские плакаты и литографии) [ГА РФ, ф. 1126. оп. 1. д. 1041. Бенкендорф, 1904].

Также в качестве источников исследования использовались периодические издания (газеты «Восточное Обозрение», «Сибирская жизнь», «Дальний Восток», сатирические журналы «Будильник», «Стрекоза»). За основу были взяты ведущие региональные издания Сибири и Дальнего Востока, так как этот регион был ближе всего к театру военных действий и испытал на себе максимальную нагрузку, поэтому задача идеологического обеспечения войны здесь была наиболее актуальной.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Контексты визуальной пропаганды: российские культурные стереотипы и формирование образа японцев

Чтобы понять, почему визуальная пропаганда представляла японцев так, а не иначе, необходимо обратиться к тому представлению о японцах, которое было сформировано в российском общественном мнении в довоенный период. Основными каналами пропаганды выступали литература (публицистическая и художественная) и СМИ. Негативный образ Японии и японцев включал в себя три ключевых момента.

Во-первых, японцев рисовали как отсталую, варварскую нацию. Широко использовались штампы: «макаки», «япошки», «желтолицые островитяне», «узкоглазые дикари», «желтоглазые дикари-азиаты»... Распространенность в народе подобного отношения к японцам подтверждается чиновничьим докладом 1903 года, составленным в дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе. Отмечалось, что японцы активно занимаются на Дальнем Востоке шпионской деятельностью, их успехам способствует «особенно самоуверенное отношение русского населения к японцам, китайцам и корейцам как к существам низшим, исключаяющее всякую необходимость в какой-либо обычной осторожности в сношениях с ними» [РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 516, л. 36—37].

Во-вторых, японцев связывали с «желтой угрозой», которая мыслилась как неизбежное в будущем противостояние между христианской, европейской цивилизацией в лице России и антихристианской, азиатской цивилизацией в лице Японии. В отношении последней неизменно подчеркивалось, что Япония ненавидит «белую расу», жаждет полного господства в Азии, мечтает о создании «империи желтолицых», хочет захватить русский Дальний Восток и Сибирь, что это коварный, жестокий, свирепый и кровожадный враг. Понятие «желтой угрозы» могло быть доведено до высоких философских обобщений, как у В. С. Соловьева [Соловьев, 1904; Соловьев, 1993], либо сведено к тому, что японцы — «слуги антихристовы», «чёрту молятся» [Воробьева, 2020, с. 160].

В-третьих, подчеркивалась связь Японии с другими враждебными России державами, в частности, с Великобританией и США. Все три посыла активно использовались в прессе (центральной и региональной) и особенно широкую представленность обрели в годы Русско-Японской войны. Мотив Японии как воплощения «желтой опасности» постоянно муссировался в газетах. Например, дальневосточному читателю из номера в номер рассказывали, что Япония — это страна, которая ненавидит белую расу и христиан, что в ней распространены движения антирусской направленности, что прошлые и современные японские мыслители воспринимают Рос-

сию как своего заклятого врага и требуют реванша [К войне с Японией...]. В качестве доказательств шовинизма и активных захватнических планов японцев публиковались также японские стихи, пьесы, выдержки из писем японских солдат и офицеров [Безбожные славяне...].

Редактор «Нового Времени» А. С. Суворин разразился с началом войны целой серией статей, в которых писал о японцах как «ядовитых карлах», как «азиатах и язычниках»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь русский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей» [Суворин, 2005, с. 46].

Характерно, что, при всем подчеркивании агрессивности японцев и их захватнических планов, их боевые качества до и в начале войны оценивались как чрезвычайно низкие. Е. С. Сениявская отмечает в своих работах, что на формирование образа японцев в годы войны повлиял сложившийся еще в конце XIX века культурный стереотип «восприятия Японии и японцев как противника, представлявшего этнически, культурно, религиозно чуждую, “иную” цивилизацию» [Сениявская, 2006, с. 29]. По словам исследовательницы, «штампы восприятия сводились в основном к нескольким обобщенным представлениям о японцах как “азиатах”, язычниках, а значит, не просто “других”, но еще и отсталых, “дикарях”, варварах... Как к “макакам” относился к японцам и сам император Николай II... Как к “макакам” относилось к ним и следовавшее за императором “высшее общество”, и генералитет, и офицерство, и даже солдатская масса» [Там же].

К этим же выводам приходит и Л. В. Жукова, отмечая, что для описания японцев использовался «специальный язык с подменой понятий (трансформация: свиреп — кровожаден — каннибал) и с устойчивыми словосочетаниями (желтолицые островитяне, желтомордые макаки и т. д.)», а также имело место постоянное муссирование темы угрозы со стороны Японии, причем «“Желтая опасность” представлялась в самых разнообразных видах — здесь и непримиримость двух рас, и панмонголизм, и представление о японцах как беспощадных и алчных наследниках монголо-татар, и социально-адаптированные варианты» [Жукова, 2002, с. 350].

Лев Гудков и В. И. Дятлов связывают формирование ксенофобии в отношении к японцам (а также корейцам и китайцам) с процессами модернизации рубежа XIX—XX веков. Лев Гудков отмечает, что «появление и выработка символических “врагов” становятся формой партикуляристской реакции на процессы массовизации, вызванные модернизационными изменениями в традиционных обществах» [Гудков, 2005, с. 17], а В. И. Дятлов пишет, что «стремительный переход от сословного общества к массовому

диктовал необходимость перехода от партикулярных врагов, страхов и фобий к консолидирующему коллективному, общезначимому врагу» [Дятлов, 2014, с. 27]. В. И. Дятлов также рассматривает «желтую опасность» как российскую версию общемировой ксенофобии и видит причины ее формирования в геополитических изменениях начала XX века и в популярности расовой теории, согласно которой расы принципиально несовместимы и обречены на «войну миров». По мнению В. И. Дятлова, «именно расовые представления легли в основу стремительно набиравшего силу комплекса “Врага с Востока”, не случайно названного “желтой опасностью”», что еще больше усиливалось «экзотизацией» японцев: «Можно предположить, что одним из механизмов дегуманизации «желтых» была экзотизация дальневосточных народов, культур и цивилизаций, сравнительно недавно ставших предметом пристального интереса европейцев» [Дятлов, 2014, с. 24—25, 29]. В свою очередь, «признание нечеловеческой или недочеловеческой природы «желтых» («муравьев» — китайцев и «макак» — японцев), их дегуманизация становились естественной и необходимой предпосылкой для демонизации «чужого», для превращения реального или потенциального противника в смертельного врага» [Дятлов, 2014, с. 37].

Характерно, что эти паттерны российской пропаганды отмечают и японские исследователи, такие как Мацумура Масаеси: «Российская пропаганда регенерировала теорию желтой опасности, сводившуюся к тому, что русско-японская война — это война между белой расой и желтой расой или религиозная война между приверженцами христианства и язычниками. Первое утверждение имело целью международную изоляцию Японии как варварской страны, нарушившей международное право. Вместе с тем Россия призывала содействовать организации нового христианского крестового похода против языческой Японии» [Масаеси, 2002, с. 64]. Интересно, что японский исследователь тем не менее считает, что антияпонская российская пропаганда была «пассивной и вялой по сравнению с японской пропагандой» [Масаеси, 2002, с. 67].

Все вышеперечисленные представления о японцах нашли свое отражение в русской визуальной пропаганде в ходе Русско-японской войны.

3.2. Характерные черты образа японского врага в русской визуальной пропаганде

В целом можно отметить, что лубочные репрезентации японцев максимально соответствовали вышеизложенной парадигме. Для того, чтобы закрепить в народном сознании соответствующий образ японца, использовался целый ряд приемов, прежде всего *гротеск* и *карикатурность* в изображении японцев, *однозначность смысла*, *бескомпромиссность*. Визуальная пропаганда явно уничижала врага. Бескомпромиссность до-

стигалась применением традиционных изобразительных приемов, а также использованием подписей, имитирующих устное народное творчество. Японцев обязательно изображали с подчеркнуто азиатскими чертами лица и желтой кожей (отсылка к тому, что это представители «желтой расы»), очень уродливыми, часто их фигуры были значительно меньше по масштабу, чем фигуры русских, что должно было подчеркнуть их ничтожность. Дополнение визуального ряда сатирическим текстом, которому обычно придавалась фольклорная форма, должно было действовать убеждающим образом — как народная мудрость.

Можно выделить ряд излюбленных пропагандой сюжетов. Во-первых, это — расправы над японцем / японцами. Такая расправа изображалась, например, на плакате «Здорово. Храбрость японца», где русский казак одной рукой насаживал на пику сразу двух японцев, а второй рукой держал за ухо третьего, при этом японец вынужден был бежать за его лошадью. На серии плакатов русский матрос разбивал или отрубал японцу нос, при этом очевидно актуализировался смысл *совать нос куда не следует* (ср. рус. *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*), в связи с чем для носителей русского языка была очевидна отсылка к образу: нос японцу отрубили потому, что он полез «куда не надо» (в Маньчжурию).

В качестве орудия расправы на плакатах часто выступала плеть, что подчеркивало ничтожность японцев как противника (например, на плакате «Кулак да плеть — знают кого побреть»). На плакате «Боевая песенка донцов» изображено, как казак собирается пороть пойманного им японца, а за этой сценой наблюдают из укрытия «Дядя Сэм» (США) и китаец. Эффект картины усиливали стихи под изображением: «Поучись как ходят раки, утекай-ка в Нагасаки», «Стыдно с вашей желтой рожей и на свет казаться Божий», «Лезешь сдуру к Порт-Артуру, там брат, желтую-то шкуру, спускают моряки» (рис. 1).

Вторым излюбленным сюжетом было изображение Порт-Артура, а также связанных с ним побед («Гибель японского броненосца Хатсузе и крейсера Йошино», «Посидим у моря — подождем погоды!», «Вася Флотский», «Страшен враг, но милостив Бог!», «После неудачной попытки японцев загородить вход в Порт-Артурскую гавань», «Японская победа» и др.). Все эти плакаты объединяет общий визуальный ряд. Фигуры русского матроса, солдата или казака изображаются крупно, натуралистично, а фигуры противника (японца, а также стоящего у него за спиной американца, англичанина, китайца) намного меньше и наделены карикатурными, гротескными чертами. В визуальном ряде также часто присутствуют крепость Маньчжурия, крепость Владивосток, а также тонущие корабли японского флота.

Рис. 1. Плакат «Боевая песенка донцов»

Pict. 1. Poster «Battle song of the Don Cossacks»

Общий смысл репрезентаций образа японцев на этих плакатах прочитывался однозначно: японец — коварный враг, представитель «желтой расы», но сам по себе он ничтожен, его подзуживают враги России (США и Англия), но даже с их помощью он ничего сделать не сможет, его ждет неминуемое поражение в войне с Россией. Так, на плакате «Посидим у моря — подождем погоды!» огромный русский казак нацеливал пушку на крошечную фигуру японца, которого как куклу держал «Джон Буль» (Англия). За спиной Джона Буля стоял «Дядя Сэм» (США), а в подписи к плакату «заморским покровителям» японца задавался риторический вопрос: «Покурить, господа, не хотите ли — нашей русской махорочки, что виднеется на пригорочке?!» (рис. 2).

В-третьих, в журналах и газетах иногда приводились описания этнических стереотипов, визуальных клише, якобы «типичных представителей» тех наций, с которыми Россия столкнулась на полях войны. Так, сатирический журнал «Стрекоза» обобщал: «Японец — вихрастый и шустрый живчик, во фраке и цилиндре, в опорках, с кривою саблею. Кореец — меланхолический мужчина в детской соломенной шляпке с розовыми лентами. Китаец — заспанный великан, грозный и неповоротливый; заплетает свою

Рис. 2. Плакат «Посидим у моря — подождем погоды!»

Pict. 2. Poster «Let's sit by the sea and wait for the weather»

косу» [Представители желтой расы...]. А журнал «Будильник» проиллюстрировал эти клише серией картин, из которых мы приведем рисунок, изображающий «цивилизованного» японца и «дикого» хунхуза (рис. 3) как одинаково уродливые косоглазые фигуры, с характерной подписью: «Японец. — Пусть наш союз поразит весь просвещенный мир: будем убивать живых и добывать раненых!» [«Будильник», 1904, № 33].

Рис. 3. «Союз цивилизованного японца и дикого хунхуза»

Pict. 3. Poster «Union of civilized Japanese and wild Honghuzz»

Среди «народных картин» и карикатур на тему войны было также представлено нечто, напоминающее комиксы, — серия картин, объединенных общим сюжетом. Например, народная картина «Как Фома с Еремой японцев обставили» в шести картинках изображала засаду двух казаков и их победу над японцами. Народная картина «Иван — Аринин муж — на войне» в восьми картинках рисовала, как солдат ушел на войну, как он ловил в Маньчжурии хунхузов («косоглазое отродье»), «считал ребра японцам» и, наконец, получил за свои подвиги крест. Репрезентация образа японца и здесь была однозначной: коварный, но ничтожный враг, с которым русский солдат может легко справиться.

В этой же стилистике были выдержаны и сатирические открытки. На одной из них карикатурно изображенные японцы уходят, зажав под мышкой корабли, а надпись уточняет: «Взяв суденышки под мышку, с громким криком “караул!” “желторожие” вприпрыжку покидают град Сеул» (лит. Кирстен, Москва, 10 апреля 1904 года). На другой открытке казак, избивая японца, выкрикивает угрозу: «На, казацкою нагайкой ты Корею закуси!». На третьей японца и вовсе нет, а есть японский щенок, который, стоя перед русским казаком «нос задрав, визжит».

Образ японца как ничтожного врага мог быть доведен практически до абсурда, как это было сделано на плакате «Завтрак казака», в подписи под которым казак заявлял: «Посмотрю, как твоя шкура рвется на зубах» (рис. 4).

Рис. 4. Плакат «Завтрак казака»

Pict. 4. Poster «Cossack breakfast»

В целом этот тип плакатов совершенно определенно транслировал образ японцев как «варваров», «узкоглазых азиатов», «дикарей» и одновременно — как «ничтожного противника», с которого русский солдат / матрос / казак скоро спустит «желтую шкуру», а в подписях под рисунками содержались инвективы «макаки», «япошки», «желтая морда» и т. п. Интересно, что при этом тема собственно «желтой опасности» оказывалась ослабленной из-за того, что противник рисовался подчеркнуто ничтожным. Одновременно поднималась тема связи Японии с Англией и США, которые на рисунках либо наблюдали за происходящим (иногда вместе с Китаем), либо напрямую действовали, снабжая Японию оружием или даже управляя ей, как куклой.

Теме «зарубежных покровителей» была также посвящена серия отдельных плакатов. В них Япония представлена как страна, которую ее «иностранные покровители» буквально толкают в пропасть (плакат «Японский император и его лукавые доброжелатели») (рис. 5), либо как страна, которая вынуждена униженно просить у Англии и США средства на ведение войны («Помогите на военные нужды», «В погоню за деньгами», «Атака на Порт-Моне») (рис. 6).

Рис. 5. Плакат «Японский император и его лукавые доброжелатели»

Pict. 5. Poster «The Japanese Emperor and his crafty well-wishers»

Рис. 6. Плакат «Атака на Порт-Монэ»

Pict. 6. Poster «Attack on Purse»

Были также и изображения в СМИ и на плакатах, на которых все-таки явственно присутствовал образ Японии как «желтой опасности». Например, на обложке журнала «Будильник» [«Будильник», 1904, № 38] Япония предстает в виде ведьмы, принесшей ядовитое зелье и войну странам Европы (Англии, Франции, Германии, Италии, Испании) (рис. 7). Также характерен плакат «К войне России с Японией», где Россия изображается в виде женской фигуры с двуглавым орлом на плече, а Япония — в виде огромного красного демона (рис. 8). За фигурой России в небе реет архангел с мечом, указывающим на Японию. Таким образом, война с Японией трактуется как священная, как то самое столкновение цивилизаций, желтой и белой расы, о котором настойчиво писали русские газеты до и во время войны.

Рис. 7. «Предупреждение»

Pict. 7. «Warning»

Рис. 8. Плакат «К войне России с Японией»

Pict. 8. Poster «To the war between Russia and Japan»

В прессе также муссировалась тема коварства японцев, нарушения ими международных обязательств и т. п. Эту тенденцию отражает карикатура из журнала «Будильник», посвященная ситуации с миноносцем «Решительный», который 29 июля 1904 года прибыл в нейтральный порт Чифу с депешей, предназначенной наместнику на Дальнем Востоке Е. И. Алексееву. В соответствии с правилами войны миноносец разоружился и спустил военный флаг. Однако японцы сделали попытку захватить корабль,

на что командующий корабля ответил пощечиной. «Будильник» [«Будильник», 1904, № 32] разразился карикатурой, на которой Япония предстала в виде «бесстыжей гейши», коварно забирающей корабль; это изображение было дополнено надписью под карикатурой: «Сразбойничав, добыла миноносец ценою русской пощёчины и европейского презрения... Хорошо бы теперь добыть крейсер такую же ценою: ведь другая-то щека у меня цела! Стыд не дым, глаза не выест...» (рис. 9).

Рис. 9. «Бесстыжая» гейша
Pict. 9. «Shameless» geisha

Между тем в газете «Дальний Восток» был приведен рассказ русского морского офицера Рощаковского, описывающего инцидент с миноносцем «Решительный»: «Не имея оружия для сопротивления, я приказал подготовить миноносец “Решительный” к взрыву. Когда японцы начали поднимать свой флаг, я *оскорбил* японского офицера ударом по лицу и, сбросив его в воду, приказал команде выбрасывать неприятеля...» [Дальний Восток, 1904, № 170 (3 августа). Раздел «Хроника войны»]. Боевой офицер видел в японцах вовсе не коварных «макак» и «бесстыжую гейшу», а равного ему по достоинству противника, для которого пощечина есть прямое оскорбление.

Отдельным распространенным типом плакатов в годы Русско-японской войны были довольно реалистичные изображения стычек, боев, кон-

кретных событий. В поле зрения художников попало огромное количество эпизодов войны, а сами рисунки служили заменой фотографий. Названия картин обозначали иллюстрируемое событие, например: «Гибель японского крейсера “Читозо” во время ночной атаки Порт-Артура с 26 на 27 января 1904 года», «Беспримерный бой “Варяга” и “Корейца” под Чемульпо», «Война России с Японией 1904 г. Стычка казачьего летучего разряда с японцами в Корее» (рис. 10), «Под Мукденом. Бой 30 сентября 1904 года» и т. д. Под изображение обычно размещалась надпись, комментирующая подробности события. Характерно, что на всех такого рода картинах японские солдаты, матросы, японские суда были изображены реалистично, без карикатурности и глумления, правда, всегда был показан тот или иной урон, нанесенный Японии (убитые, горящее или тонущее судно и т. д.).

Рис. 10. «Война России с Японией. Стычка казачьего летучего разряда с японцами в Корее»

Pict. 10. «The war between Russia and Japan. Skirmish between a Cossack flying patrol and the Japanese in Korea»

Интересно, что японские плакаты периода Русско-японской войны были гораздо более сдержанны в своем визуальном ряде, хотя в них, конечно, подчеркивался героизм японской армии и флота, но изображения противника (русских солдат, казаков, матросов) очень редко носили карикатурные черты, а в ряде случаев изображения русских и японцев визуальнo и эмоциональнo ничем друг от друга не отличаются, как это представлено, например, на плакате «Гибель адмирала Макарова» (рис. 11). Ср. с плакатом «Подвиг моряков японского флота» (рис. 12).

Рис. 11. Японский плакат «Гибель адмирала Макарова»

Pict. 11. Japanese poster «The Death of Admiral Makarov»

Рис. 12. Японский плакат «Подвиг моряков японского флота»

Pict. 12. Japanese poster «The feat of the sailors of the Japanese fleet»

Подобная разница в репрезентации противника объясняется принципиально иным образом России как врага у японцев: в России видели могучего, очень сильного противника (разрабатывались визуальные образы орла и медведя, некой «угрозы с севера»), но вместе с тем более чем достойного; отношение к русским военнопленным, например, было уважительным и даже дружественным [Цугуо Тогава, 1993; Шимацу Наоко, 2005]. Е. С. Сениявская отмечает в своем исследовании, что японцы говорили защитникам Порт-Артура: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне». Известен случай, когда русский полк получил георгиевское знамя по представлению японского маршала Ойямы [Сениявская, 2006, с. 33].

Примечательно, что эти и другие японские плакаты оказывались предметом коллекционирования, в частности, коллекция японских плакатов была собрана А. К. Бенкендорфом [ГА РФ, ф. 1126. оп. 1. д. 1041. Бенкендорф, 1904].

3.3. Эффективность репрезентации образа врага в визуальной пропаганде Русско-японской войны

Каким было восприятие русских «лубочных» плакатов и открыток? Насколько эффективны они были в деле пропаганды? Для начала отметим, что не все их приветствовали. Так, редактор «Восточного Обозрения» И. И. Попов называл их «печальной и разнузданной оргией» [Попов, 1904]. В то же время отношение к японцам как к ничтожному противнику, поддерживаемое в том числе через плакаты, было доминирующим в начале войны. Мобилизация в начале войны протекала успешно, в том числе потому, что солдаты были уверены: «Мы япошек враз побьем и домой вернемся» [Баяндин, 2004].

Однако изображение японцев как коварного, но ничтожного противника, сыграло с Россией злую шутку. Моральная и материальная неготовность к войне (зачем готовиться, когда враг ничего не стоит?) привела к непрерывным поражениям на поле боя, что, в свою очередь, вызвало настоящий шок в русском обществе. Уже с осени 1904 года русские газеты говорили о японцах как о прекрасном, достойном, мужественном и умном противнике. К примеру, военный корреспондент В. И. Немирович-Данченко писал: «Достойный противник, и как глупы те, кто мне ставил в минус справедливость, которую я отдаю нашему врагу. Этим господам издали можно называть его маками, япошками, давать им титулы подлых, коварных и еще не знаю какие. Но тут от командующего армии и до последнего солдата относятся к “макакам” и “япошкам” с истинным уважением. Нет чести в борьбе с какою-то азиатскою дрянью, и великая слава победить врага могучего, искусного, достойного нашей старой, боевой армии, нашего героя и мученика солдата» [Немирович-Данченко, 1904, № 197 (4 сентября)].

В другом очерке В. И. Немирович-Данченко задается вопросом: «Почему он мой враг? Ведь, в сущности, как мне до него, так и ему до меня нет никакого дела. Я даже больше ему удивляюсь — его энергии, способностям, мастерству, патриотизму и у меня к нему никакой ненависти. Мне многие свои гораздо более враждебны, досадны, неприятны, чем эта черная, маленькая фигурка с ошетинившеюся головою и яркими глазами на плоском лице» [Немирович-Данченко, 1904, № 194 (1 сентября)].

Чем дальше, тем больше образ врага в прессе смешался с японцев на русское самодержавие, которое общество не без оснований начинало винить во всех поражениях и промахах войны. Это также выражалось в визу-

альных образах, где предметом осмеяния стали уже не японцы, а собственные военные и политические деятели, как, например, на открытке, посвященной 2-й Тихоокеанской эскадре З. П. Рожественского, направленной на помощь 1-й Тихоокеанской эскадре в Порт-Артур. Перспективы решения боевой задачи, поставленной перед этой эскадрой (как и перед 3-й Тихоокеанской эскадрой под командованием Н. И. Небогатова), активно обсуждались в прессе, в том числе высказывалось мнение, что ничего путного эскадра добиться не сможет. Это нашло свое отражение в открытке «Еду-еду не свищу, а наеду... сдамся», где адмирал З. П. Рожественский был изображен в бумажном кораблике, а известный сказочный посыл («еду-еду не свищу, а наеду — не спущу») формулировался с точностью до наоборот.

В целом в репрезентациях японского врага русской визуальной пропагандой соединялось многое: уничижительные стереотипы, сложившиеся в общественном мнении до войны, самообман властей и общества, следовавших за пропагандистским внушением и поддавшихся попыткам выдать желаемое за действительное, трансляция страхов пред «желтой угрозой», отказ противнику в субъектности и политической самостоятельности. Вместе с тем образ японцев, представленный на «лубочных» плакатах и открытках, настолько сильно разошелся с действительностью, что с осени 1904 года их выпуск почти прекратился, уступив место более реалистичным картинам боев (литографиям и рисункам), что отметила в своей работе Ю. Д. Михайлова [Михайлова, 2014].

Исследователи отмечают, что восприятие японцев за годы войны претерпело значительные изменения в сторону большей человечности, хотя оценки разнятся. Например, Е. С. Сениявская считает, что Русско-японская война породила двойственность в восприятии японцев, когда восхищение противником смешивалось с презрением к нему, а победу Японии над Россией объясняли «приступом бешенства» [Сениявская, 2006, с. 34].

Знакомство автора с материалами СМИ дает основания для выводов о том, что «образ японца как врага» к концу войны зависел не только от общих культурных стереотипов, подвергшихся трансформации в ходе боевого столкновения с японцами, но и от региональной принадлежности оценивающего. Так, в сибирском обществе, например, за годы войны сформировалось сдержанное, уважительное и даже сочувственное отношение к японцам, а на Дальнем Востоке оно оставалось презрительным и враждебным [Воробьева, 2020].

4. Заключение = Conclusions

Можно считать уже доказанным фактом, что в Русско-японскую войну правящие круги стремились формировать общественное мнение в нужном

для них ключе. «Маленькая победоносная война» с Японией должна была, по мысли «власть предержащих», отвлечь население от революционных настроений. Среди средств пропаганды активно использовалась визуальная пропаганда, большая часть которой (плакаты в лубочном стиле, так называемые «народные картины») была адресована «простому народу», среди которого предполагалось популяризировать войну и усилить патриотизм.

Репрезентации образа врага на этих плакатах соответствовали образу, сложившемуся еще до войны. Он включал в себя, во-первых, представления о японцах как «варварах», «дикарях», «азиатах»; во-вторых, страх перед «желтой угрозой»; в-третьих, представление о ничтожности японцев как врагов и их зависимости от других враждебных России держав (Англии и США). Третий пункт в этой мифологеме противоречил второму. В ходе войны упор был сделан на изображение японцев как дикарей и варваров, а также как ничтожных врагов, «макак». Визуальные образы, транслировавшиеся в плакатах, подкреплялись текстами, усиливавшими штампы. Такие же образы использовались на открытках и карикатурах в СМИ.

Карикатурность, гротескность, нарочитая примитивность образов японцев вызывала отторжение у части российского общества еще в начале войны. По мере того, как военные действия раз за разом опровергали идеологические построения, репрезентация японцев как «ничтожных варваров, дикарей и макак» стала вызывать в обществе, в том числе у простого населения, обратную реакцию. Чем дальше, тем больше образ врага смещался с японцев на русское самодержавие. К концу войны эта тенденция стала доминирующей. Произошло и изменение визуальных образов японцев: плакаты в лубочном стиле потеряли свою актуальность, а на первое место вышли литографии и рисунки, изображавшие противника в реалистичном, почти фотографическом стиле.

Примечательно, что реалистичное изображение противника без намешки и глумления было характерно для японских плакатов, поскольку отношение к русским как врагам в Японии в целом было преимущественно уважительным и до конфликта, и в годы войны.

В целом можно заключить, что визуальная пропаганда периода Русско-японской войны, с одной стороны, транслировала сложившийся в обществе культурный стереотип, с другой — отвечала на заказ сверху, с третьей — поддерживала чаяния потребителя (увидеть врага в смешном, жалком, нелепом, униженном виде). Но поскольку пропаганда практически полностью разошлась с реальностью, она произвела обратный эффект.

Источники и принятые сокращения

1. *Безбожные славяне...* // Сибирская жизнь : [газета]. — 1904. — № 61 (17 марта). — С. 2.
2. «*Бесстыжая*» гейша (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 32. — С. 21—26.
3. ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1126. Оп. 1. Д. 1041. Бенкендорф А. К. Русско-японская война 1904—1905 гг. (коллекция). Карикатуры, посвященные Русско-Японской войне.
4. *Дальний Восток* : [газета]. — 1904. — № 170 (3 августа). — С. 1.
5. *Иллюстрированная летопись Русско-Японской войны* : (по официальным данным, сведениям печати и показаниям очевидцев) : с картами и планами, портретами, изображениями боевых эпизодов, рисунками из военно-походного быта. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1904—1905. — Выпуск 1—21.
6. *К войне с Японией* // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 152 (11 июля). — С. 2.
7. *Немирович-Данченко В. И. Очерки* / В. И. Немирович-Данченко // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 194 (1 сентября). — С. 2.
8. *Немирович-Данченко В. И. Очерки* / В. И. Немирович-Данченко // Дальний Восток : [газета]. — 1904. — № 197 (4 сентября). — С. 2.
9. *Плакаты русско-японской войны*. Музей им. П. В. Алабина [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.alabin.ru/kollektsii/knizhno-arkhivnye-sobraniya/kollektsiya-plakatov-i-listovok/plakaty-vremen-russko-yaponskoy-voyny/> (дата обращения 15.07.2024).
10. *Попов И. И. Редакторская колонка* / И. И. Попов // Восточное Обозрение : [газета]. — 1904. — № 64 (16 марта). — С. 1.
11. *Представители желтой расы* // Стрекоза : [сатирический журнал]. — 1904. — № 14. — С. 3.
12. *Предупреждение* (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 38. — С. 17.
13. РГИА ДВ — Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 516. Л. 36—37.
14. *Соловьев В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением «Краткой повести об антихристе» и с приложениями* / В. С. Соловьев. — Санкт-Петербург : Т-во печ. и изд. дела «Труд», 1904. — 279 с.
15. *Соловьев В. С. Панмонголизм* / В. С. Соловьев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. — Москва : Наука, 1993. — 368 с. — ISBN 5-02-008215-5.
16. *Союз цивилизованного японца и дикого хунхуза* (рисунок) // Будильник : [сатирический журнал]. — 1904. — № 33. — С. 3.
17. *Суворин А. С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904—1908 гг.* / А. С. Суворин. — Москва : Алгоритм, 2005. — 749 с. — ISBN 5-9265-0164-4.

Литература

1. *Баяндин В. И. Мобилизация сибиряков в армию в годы Русско-японской войны* / В. И. Баяндин // Гуманитарные науки в Сибири. — 2004. — № 2. — С. 7—12.
2. *Воробьева Э. А. Война и общество. Сибирь и Дальний Восток в годы Русско-японской войны 1904—1905 гг.* / Э. А. Воробьева. — Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2020. — 252 с. — ISBN 978-5-7782-4213-5.

3. Гудков Л. Идеологема «врага» : «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции / Л. Гудков // Образ врага. — Москва : ОГИ, 2005. — С. 7—79.
4. Дятлов В. И. Экзотизация и «Образ врага» : синдром «Желтой опасности» в до-революционной России / В. И. Дятлов // Идеи и идеалы. — 2014. — Т. 1. — № 2 (20). — С. 23—41.
5. Игауэ Нахо. К постановке проблемы образа Японии и японцев в русском фольклоре XX в. / Нахо Игауэ // Фудзимото Вакио. К юбилею ученого : сборник статей. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. — С. 75—90.
6. Жукова Л. В. Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны / Л. В. Жукова // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. Сб. ст. — Москва : РОССПЭН, 2002. — Выпуск 2. — С. 341—356.
7. Масаёси Мацумура. Российская пропаганда во время Русско-японской войны в 1904—1905 гг. / Мацумура Масаеси // Россия и АТР. — 2002. — № 4. — С. 63—70.
8. Микешина Л. А. Репрезентация : частный метод или фундаментальная операция познания? / Л. А. Микешина // Эпистемология и философия науки. — 2007. — № 1. — Т. 11. — С. 5—17.
9. Михайлова Ю. Д. Война длиною в целый век : лубок, литография, карикатура / Ю. Д. Михайлова // Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2014. — С. 38—67. — ISBN 978-5-85803-470-4.
10. Молодяков В. Э. Образ Японии в русской культуре серебряного века / В. Э. Молодяков // Россия и Япония: диалог культур и народов. — Москва : АИРО—XX, 2004. — С. 30—39.
11. Молодяков В. Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX — начала XX века / В. Э. Молодяков // Россия и мир глазами друг друга : из истории взаимовосприятия. Сб. ст. — Москва : РОССПЭН, 2002. — Выпуск 2. — С. 325—340.
12. Молодяков В. Э. Россия и Япония : Золотой век (1905—1916) / В. Э. Молодяков. — Москва : Просвещение, 2008. — 174 с. — ISBN 978-5-09-018968-2.
13. Сеньявская Е. С. Противники России в войнах XX века : Эволюция образа врага в сознании армии и общества / Е. С. Сеньявская. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.
14. Тогава Цугуо. Образ России в Японии накануне и после реставрации Мэйдзи / Цугуо Тогава // Россия и АТР. — 1993. — № 1. — С. 55—63.
15. Шимацу Наоко. Возлюби врага своего / Наоко Шимацу // Родина. — 2005. — № 10. — С. 69—71.
16. Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Сб. ст. под ред. Ю. Д. Михайловой. — Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2014. — 256 с. — ISBN 978-5-85803-470-4.
17. Dobson S. Much. Recorded War : The Russo-Japanese War In History And Imagery / S. Dobson, A. N. Morse, F. Sharf. — Boston, Mass : MFA Publications, 2005. — 92 p. — ISBN 0-87846-692-4.
18. The Impact of the Russo-Japanese War / Editor Rotem Kowner. — London : Routledge, 2009. — 348 p. — ISBN 0-415-36824-3.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024,
одобрена после рецензирования 10.10.2024,
подготовлена к публикации 21.10.2024.

Material resources

- GA of the Russian Federation — *State Archive of the Russian Federation. F. 1126. Op. 1. D. 1041. Benkendorf A. K. The Russian-Japanese War of 1904—1905. (collection). Cartoons dedicated to the Russian-Japanese war. (In Russ.).*
- Godless Slavs ... (1904). *Siberian life: [newspaper]*, 61: (March 17). P. 2. (In Russ.).
- Illustrated chronicle of the Russian-Japanese War: (according to official data, press information and eyewitness testimony): with maps and plans, portraits, images of combat episodes, drawings from military marching life, 1—21. (1904—1905). St. Petersburg: Printing house of A. S. Suvorin. (In Russ.).*
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1904). *Essays. Far East: [newspaper]*, 194: (September 1). P. 2. (In Russ.).
- Nemirovich-Danchenko, V. I. (1904). *Essays. Far East: [newspaper]*, 197: (September 4). P. 2. (In Russ.).
- Popov, I. I. (1904). Editorial column. *Eastern Outlook: [newspaper]*, 64: (March 16). P. 1. (In Russ.).
- Posters of the Russian-Japanese war. P. V. Alabin Museum. Available at: <https://www.alabin.ru/kolleksii/knizhno-arkhivnye-sobraniya/kollektsiya-plakatov-i-listovok/plakaty-vremen-russko-yaponskoy-voyny/> (accessed 15.07.2024). (In Russ.).*
- Representatives of the yellow race. (1904). *Dragonfly: [satirical magazine]*, 14: P. 3. (In Russ.).
- RGIA DV — *Russian State Historical Archive of the Far East. F. 702. Op. 1. D. 516. L. 36—37. (In Russ.).*
- “Shameless” geisha (drawing). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]*, 32: 21—26. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1993). Panmongolism. In: *Russia between Europe and Asia: The Eurasian temptation*. Moscow: Nauka. 368 p. ISBN 5-02-008215-5. (In Russ.).
- Solovyov, V. S. (1904). *Three conversations about war, progress and the end of world history, with the inclusion of a “Short story about the Antichrist” and with appendices*. St. Petersburg: Publishing house of the Pechersk and publishing house of the case “Trud”. 279 p. (In Russ.).
- Suvorin, A. S. (2005). *Russian-Japanese war and the Russian Revolution. Little letters of 1904—1908*. Moscow: Algorithm. 749 p. ISBN 5-9265-0164-4. (In Russ.).
- The Far East: [newspaper]*, 170. (August 3). (1904). P. 1. (In Russ.).
- The union of a civilized Japanese and a wild hunkhuz (figure). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]*. *Russian-Japanese War and the Russian Revolution*, 33: P. 3. (In Russ.).
- Towards war with Japan. (1904). *Far East: [newspaper]*, 152: (July 11). S. 2. (In Russ.).
- Warning (figure). (1904). *Alarm clock: [satirical magazine]*, 38: S. 17. (In Russ.).
- ## References
- Bayandin, V. I. (2004). Mobilization of Siberians into the army during the Russian-Japanese war. *Humanities in Siberia*, 2: 7—12. (In Russ.).
- Dobson, S., Morse, A. N., Sharf, F. (2005). *Much. Recorded War: The Russo-Japanese War In History And Imagery*. Boston, Mass: MFA Publications. 92 p. ISBN 0-87846-692-4.
- Dyatlov, V. I. (2014). Exotisation and the “Image of the enemy”: the syndrome of the “Yellow danger” in pre-revolutionary Russia. *Ideas and ideals*, 1 / 2 (20): 23—41. (In Russ.).
- Gudkov, L. (2005). The ideology of the “enemy”: “Enemies” as a mass syndrome and a mechanism of social integration. In: *Image of the enemy*. Moscow: OGI. 7—79. (In Russ.).
- Igaue Naho. (2004). On the formulation of the problem of the image of Japan and the Japanese in Russian folklore of the XX century. In: *Fujimoto Wakio. To the anniversary*

- of the scientist: a collection of articles.* Vladivostok: Publishing House of the Far East. Unita. 75—90. (In Russ.).
- Mikhailova, Yu. D. (ed.). (2014). *Japan and Russia. National identity through the prism of images.* St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 256 p. ISBN 978-5-85803-470-4. (In Russ.).
- Kowner, R. (ed.). (2009). *The Impact of the Russo-Japanese War.* London: Routledge. 348 p. ISBN 0-415-36824-3.
- Masayoshi Matsumura. (2002). Russian propaganda during the Russo-Japanese War in 1904—1905. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 4: 63—70. (In Russ.).
- Mikeshina, L. A. (2007). Representation: a private method or a fundamental operation of cognition? *Epistemology and philosophy of science*, 1 (11): 5—17. (In Russ.).
- Mikhailova, Yu. D. (2014). A century-long war: splint, lithography, caricature. In: *Japan and Russia. National identity through the prism of images.* St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies. 38—67. ISBN 978-5-85803-470-4. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2008). *Russia and Japan: The Golden Age (1905—1916).* Moscow: Prosveshchenie. 174 p. ISBN 978-5-09-018968-2. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2002). *Russia and the world through the eyes of each other: from the history of mutual perception*, 2. Moscow: ROSSPEN. 325—340. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2002). Russian consciousness and Russian culture of the late XIX — early XX century. In: *Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Sat. art*, 2. Moscow: ROSSPEN. 325—340. (In Russ.).
- Molodyakov, V. E. (2004). The image of Japan in Russian culture of the Silver Age. In: *Russia and Japan: dialogue of cultures and peoples.* Moscow: AIRO-XX. 30—39. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the image of the enemy in the minds of the army and society.* Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Shimatsu Naoko. (2005). Love your enemy. *Homeland*, 10: 69—71. (In Russ.).
- Togawa Tsuguo. (1993). The Image of Russia in Japan before and after the Meiji Restoration. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 1: 55—63. (In Russ.).
- Vorobyova, E. A. (2020). *War and society. Siberia and the Far East during the Russian-Japanese War of 1904—1905.* Novosibirsk: NSTU Publishing House. 252 p. ISBN 978-5-7782-4213-5. (In Russ.).
- Zhukova, L. V. (2002). Perception of Japan in Russia on the eve of the Russian-Japanese war. In: *Russia and the world through each other's eyes: from the history of mutual perception. Collection of articles*, 2. Moscow: ROSSPEN. 341—356. (In Russ.).

*The article was submitted 31.07.2024;
approved after reviewing 10.10.2024;
accepted for publication 21.10.2024.*